

А.А. Кочетков,

модератор страницы В.Д. Фёдорова на сайте Стихи.ru
г. Нижний Новгород

**ПЕРО-ВООБРАЖЕНИЕ, РИСУЮЩЕЕ СЛОВО В ТВОРЧЕСТВЕ
ПОЭТА И ПРОЗАИКА ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ФЁДОРОВА**

Твоё изображение
Померкнуть не рискует.
Моё воображение
Красивей не рисует.

Виной психооказия:
В соблазны благородства
Моей ночной фантазии
Вплетается уродство...

Начальные строки из малоизвестного стихотворения поэта Василия Фёдорова «Твоё изображение померкнуть не рискует...». Написано в 1974 году, опубликовано в альманахе «Поэзия» 1974 и 1980 году. «Легко пером воображения сердечность женскую из мысли перенять...» – начало моего посвящения В. Д. Фёдорову в 2010 году...

В настоящее время существует актуальная потребность по-новому взглянуть на художественные ценности, созданные лучшими русскими советскими писателями, поднимая их на новую ступень осмысления. Ярчайшим примером является поэт и прозаик Василий Фёдоров – художник, рисующий словом свои живописные поэтические картины в стихотворениях и поэмах, «инкрустируя» в них имена и полотна великих художников, увязывая с прозаическими «уроками поэзии» и новеллами, его углублёнными познаниями живописи далёких времён, богатым воображением в разгадке творческого процесса...

Известный литературовед и критик Александр Алексеевич Михайлов, автор статей «Пророчество марьевской Музы» (1967) и «Опыт (Не Лаокоон, но о живописи и поэзии без установления границ меж той и другой)» (1978), писал о поэзии: «Ещё со времён Гомера она не пренебрегала искусством изображения – не кистью или резцом, а именно словом, – рассчитывая на естественную способность человека представлять зрительный образ. И если не включаться в вечный и никогда не разрешимый спор... нам придётся признать право поэзии живописать словом» [3, с. 235].

Ставя актуальный вопрос: «Не утрачено ли это искусство сегодня и если нет, то, как поэзия обогащает свою выразительность с помощью рисунка, краски, картины?...», А.А. Михайлов отметил, что «в статьях и

книгах о современной поэзии, к сожалению, не обсуждается проблема пластического образа. Живопись как компонент стиха редко принимается в расчёт при анализе поэтических произведений. Между тем мы располагаем опытом, которым нельзя пренебрегать, который заслуживает изучения при оценке способности поэзии пластически воздействовать на воображение и чувства читателя» [3, с. 235-236].

Критик указал, что «опыт работы над сюжетной поэмой способствовал развитию изобразительных возможностей таланта Василия Фёдорова, ведь именно в его поэмах самые важные, ключевые, движущие сюжет моменты даны зрительно...». Приводит характерный эпизод из поэмы «Золотая жила», где выразительность не исчерпывается пластикой, эмоциональность содержания присутствует и в эпитетах и в оттенках авторской речи, признавая, что живопись поэта психологична [3, с. 236].

Заслуживает внимание небольшая статья Оксаны Николаевны Студецкой «Рисовать словами», написанная в 1986 году и помещённая в интернете на сайте «Проза.ру.» в 2010 году. Приведём цитату: «Писать художественное произведение, – как сказал один автор, – это рисовать словами. Да, именно, рисовать словами! Художники, желая образно выразиться, говорят: «мы пишем картины», а писатели, образно выражаясь, вправе сказать «мы рисуем словами». И те, и другие правы: одни рисуют красками, другие – словами. Слов то, во много раз больше, чем воспринимаемой нашим зрением палитры красок. Наши словари насчитывают около полумиллиона слов. Вот сколько материала!

Чего проще, садись и рисуй! Тем более, что слова не надо покупать, они не есть нечто вещественное, они все в нашем сознании. Но сколько их в сознании? У самого талантливого в литературе художника Александра Сергеевича Пушкина в памяти насчитывалось до двадцати пяти тысяч слов. Мы же, простые грешные, не помним и четвертой части этого. И всё же: обладая даже незначительным числом слов, можно творить художественную картину, если на то есть талант. Но попробуйте рисовать словами, и вы поймете, как это трудно!!» [5]

В мае 1959 года Василий Фёдоров стал одним из 479 делегатов Третьего съезда писателей СССР. В «Литературной газете» от 9 мая 1959 года (в рубрике «Предсъездовская трибуна») появилась статья Василия Фёдорова «Поиск прекрасного». Размышляя о путях развития советской поэзии, он написал: «Незнание жизни заметно сказывается на словаре самых молодых, только вступающих в наши ряды. У них есть ритмические поиски – это хорошо. Но плохо, что в их стихах замечается неоправданное изобилие гастрономических и мелко-бытовых сравнений... Это приводит и к снижению идеала красоты: «Долой Рафаэля, / Да здравствует Рубенс!» Чем же помешал молодому поэту поэтический образ мадонны с младенцем? Не своей ли возвышенностью и одухотворённостью? Но кому, как не поэту, приветствовать её. Я не против Рубенса с его тяжеловесной приземлённостью, но зачем же свергать Рафаэля, с его великой идеей служения человечеству? Быть женщиной Рубенса легко, быть мадонной

Рафаэля трудно, не только трудно, даже трагично. Разговор о старых художниках не праздный, он сегодня злободневен...» [10, с. 235].

Василий Фёдоров оставил наследие – 28 прозаических «Уроков поэзии». В статьях «Рождение поэта», «Психологический момент», «Магнитное поле стиха», «Эстетический момент» он напрямую рассматривает истоки тайны живописания словом. В «Психологическом моменте» В.Д. Фёдоров пишет, что «активно пишущего, страстного в писании, лучше всего сравнить с юношей в пору его первой влюблённости. Чем сильнее любовь, тем он дольше ходит вокруг да около предмета своего обожания. Тут и повышенное чувство преклонения, и страх быть отвергнутым...». Для примера писатель взял историю из жизни Микеланджело, которого сговорили расписать Сикстинскую капеллу, но взглянув на высокий чистый купол, тот в страхе убежал из неё и долго бродил в окрестностях Рима..., приступив к активной работе только с третьего раза [10, с.74].

Мемуарно-биографические сведения об увлечениях Василия Фёдорова живописью открывают нам имена и картины великих русских и зарубежных художников: Крамского, Левитана, Репина, Нестерова, Врубеля, Федотова, Рафаэля, Рубенса, Тициана, Рембрандта, Леонардо да Винчи, Мурильо, Кнауса, Хальса, Тернера, Пикассо.

Приведём ряд стихотворений, где поэт Василий Фёдоров выступает как живописец словом: «Если б Богом я был...», «Скульптор», «Художник», «Неизвестная», «Профиль», «Портрет», «Любил, как сон, прелестную...», «Заграничное», «Говорят, что Красоты не стало...», «Рождение стрекозы», «Душа томилась по живой природе...», «Перезревшими плодами...».

В стихотворении «Если б Богом я был...» поэт стремится создать идеальный женский образ, воображая себя Богом, скульптором, художником:

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину!

В стихотворении «Скульптор» поэт восторженно рисует словом творческий процесс мастера-ваятеля в создании женской скульптуры, давая читателю самому насладиться, подключив воображение... Даже, так

называемый «недруг по цеху» Е. Евтушенко вспоминал, что он «чуть ли не подскочил от восторга, когда Василий Фёдоров читал свои стихи «Ваятель», где мрамор горностаевым мехом спадал по плечам женщины» [1, с. 366].

Репродукцию картины русского художника И.Н. Крамского «Неизвестная» (1883) В.Д. Фёдоров увидел в Кулундинской степи, в чайной, зимой. Для него портретный образ – образец высокой нравственности и красоты, нечто одухотворённое, человеческое, помогающее людям жить. Всматриваясь в «Неизвестную», поэт рисует словом женский образ написанный художником в красках:

Под бровями
Тенистых ресниц густота,
Под ресницами грусть
И чуть-чуть удивленье,
В добрых линиях губ –
Чистота, красота,
О которых тоскует
Мое поколенье.

В стихотворении «Профиль» поэт показывает, как вместо строчек им рисуется карандашом женский профиль, когда душа молчит:

Душа моя молчит, пока
В ней рифмы
Без присмотра бродят,
Нетерпеливая рука
Крючки
И чёрточки выводят.

Ещё черта...
И карандаш
Вдруг заспешил,
Заторопился.
И вот внезапно
Профиль ваш
Как бы из хаоса
Явился.

В кратком и ёмком стихотворении «Любил, как сон прелестную...» (1965) поэт живописует в динамике жизнь любимой с потрясающим в концовке выводом, одной строкой приводя имена и стили великих художников далёкой эпохи:

Такая

И встречается,
Такая мне и любится.
Мой вкус
Перемещается
От Рафаэля
К Рубенсу.

В стихотворении «Заграничное» В.Д. Фёдоров даёт яркое представление об использовании женской красоты «подсадной уткой для охотников за барышом» в 20-м веке. Выступает против нарушения нравственных законов и понятий естественных чувств, определяющих жизненное предназначение женщины, рисует картину «сплошного Ренессанса» – обнажённых женщин в рекламных огнях неоновом переплясе заграничных столиц, делая тонкое сравнение с творчеством художника Рубенса:

Рубенс торговку
Делал богиней,
А вы в торговки
Взяли богинь.

Стихотворение завершено философским выводом:

Каждый из нас
За женщину платит,
Женщиной платит
Каждый из вас!

Живописный взгляд поэта Василия Фёдорова запечатлён и в коротком стихе из «Замет»:

Душа томилась
По живой природе.
Скосил траву я
В нашем огороде,
Сметал стожишко.
На ольховый стяж
Ворона села –
И уже пейзаж!

Строки из поэмы «Проданная Венера» запомнились современникам. 19 июня 1960 года в газете «Литература и жизнь» (№73) была опубликована статья министра культуры РСФСР А.И. Попова с заголовком из фёдоровских строк «За красоту людей живущих, за красоту времён грядущих!». Статья вышла накануне Первого съезда художников РСФСР [4, с. 1]. Герой поэмы

В.Д. Фёдорова «Проданная Венера», глядя на картину Тициана «Венера с зеркалом», представляет, как художник создавал свой шедевр:

Я видел:

В радостном полёте
Кисть жизнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.
Влюблённый и ревнивый гений
В слиянье радости и мук
Набросил матовые тени
На лёгкие изгибы рук.
Такой летит туда, где боги!
И он, уже не тратя сил,
Куском парчи,
Упавшим в ноги,
Её чуть-чуть отяжелил [12, с.163-164].

В главе «Москва, Москва...» из романтической поэмы «Седьмое небо» Василий Фёдоров показал реальные истоки своего приобщения к живописи, находясь в служебной командировке в столице в начале января 1941 года.

... Душа моя
Светилась новизной,
Новей, чем холст
При первой нагрнтовке.
Усталым я шагал
Из Третьяковки,
Как после пересмен
Из проходной.

Печальный Врубель,
Нестеров, Крамской,
Что не пришёл ещё,
О том жалею... [11, с. 228].

В семи «Уроках поэзии» Василий Фёдоров уделил пристальное внимание живописи и скульптуре:

1.«По Стасову или по Солоухину» (о картинах П.А. Федотова «Свежий кавалер» и «Сватовство майора»). На примере первой картины написанной маслом живописцем П.А. Федотовым (1815-1852) «Свежий кавалер» в 1847 году Василий Фёдоров приводит разное её толкование однокашником по Литинституту писателем В.А. Солоухиным в своих «Письмах из Русского музея» с русским критиком, историком искусств В.В. Стасовым, между

которыми – целый век. «В поэзии возможна смена места и времени, а в картине запечатлевается один-единственный миг»; «Солоухин толкует картину буквально, а Стасов – во времени, как и должно толковать картину» [10, с. 89-90].

2. «Ложный мёд» (о картинах Левитана «Осень» и Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»). Ставя вопрос «У кого же учиться молодому поэту?», Василий Фёдоров сам на него отвечает: «Поэту вредно замыкаться в самой поэзии. Всякий выход за её пределы для него благо. Чем больше таких выходов, тем он богаче. <...> Литературные консультанты редко советуют учиться, например, у живописи, у музыки, у скульптуры, у архитектуры, а между тем все эти искусства – неисчерпаемый кладёзь материала для ученичества в поэзии» [10, с. 87].

Обосновывая высказанное мнение, В.Д. Фёдоров рассуждает: «Если смотреть грустную «Осень» Левитана, нельзя не заметить, сколько таких грустных осенних пейзажей было до того перевидано им. Способность накапливать настроения, чтобы потом отдать их одному произведению, также необходима в поэзии. Пусть будет одно стихотворение, чем несколько похожих друг на друга. Если смотреть «Запорожцев, пишущих письмо турецкому султану», нельзя не обратить внимание на удивительное разнообразие человеческих типов, характеров, их контрастное расположение. Над этой картиной стоит поразмыслить поэту, задумавшему большое поэтическое полотно со многими героями» [10, с. 87]. И далее: «У живописи можно учиться композиции, главным акцентам в обрисовке человека, его внешнего и внутреннего облика, его состояния. Когда вы видите мадонну Рафаэля, стоящую с младенцем на облаке, вы верите, что она небесно легка и облако её держит. Как подобное изобразить в слове? Поэту необязательно эту мадонну описывать. Ему жизнь задаст земную задачу, которую надо решать в слове. Пушкин, например, нашёл удивительные словосочетания, чтобы описать стремительность и лёгкость танца Истоминой...» [10, с. 87].

3. «Эталон качества» (о статуе Венеры Милосской).

4. «Время и стиль» (о памятниках Пушкину, Маяковскому, Лермонтову в Москве). В.Д. Фёдоров показывает, как технический прогресс сказывается негативно на архитектурных памятниках: «Памятник Маяковскому огромен, он собственной величиной соревнуется с каменным окружением. Создаётся впечатление, что все его физические и эстетические силы уходят на это соревнование, хотя его каменное окружение по нынешним временам не так уж и велико. А как памятнику соревноваться с тридцатиэтажными домами? Ставить колоссы? Не реагировать на высоту зданий и ставить около них традиционные фигурки, как поставлен Лермонтов, не имеющий, как Пушкин, своего микромира?» [10, с.93].

5. «Бойтесь утончённости» (о картинах Тернера в галереях Лондона, о картине Пикассо «Студентка, читающая газету»). Определяя сущность

поэтики абстракционизма, В.Д. Фёдоров обозначает опасности такого подхода в поэзии:

«Утончённость – всегда за счёт силы и плоти. На первый взгляд, такая опасность нашей поэзии не грозит, поскольку в ней слишком много сырой плоти и грубой силы. Но в этом её качестве таится своя опасность. Изящество, грация, пластика в поэзии качества хорошие, когда они вырабатываются тренировкой души, трудом, то есть естественно. Желание же быть непременно изящным приводит некоторых ленивцев только к поэтическому кокетству и жеманству» [10, с.98].

6. «От ошибке к поэме» (о скульптурном портрете Бетховена в Карловых Варах, который помог найти нужный образа Бетховена для будущей поэмы)..

7. «Рождение имён» (о картине «Монна Лита» Леонардо да Винчи). В залах Эрмитажа можно найти и полюбоваться тонкой женской красотой «Монны Литы» Леонардо да Винчи. Казалось бы, Алексей Толстой сделал совсем немного. К имени этой мадонны он прибавил «аэ», то есть признак воздушности и небесности. Аэ-Лита. Так родилось романтичнейшее из литературных имён» [10, с. 97].

В 1978 году в стихотворении «Я не старый, Я усталый...» В. Д. Фёдоров поделился с нами строками откровения о труде поэта-живописца:

Не резец,
Перо стальное пело,
То перо – садись да и пиши! –
Оказалось лёгоньким для тела,
Но тяжёлым для моей души... [12, с.358].

Литература

1. Евтушенко Е. Горькое волшебство возмужания. О литинституте (1933-1983) // М.: Советский писатель, 1983. – С.365-373.
2. Михайлов А. Пророчество марьевской Музы. // Знамя. – 1967. – №1. – С.230–238.
3. Михайлов А.А. Опыт (Не Лаокоон, но о живописи и поэзии без установления границ меж той и другой) // Новый мир. – 1978. – №1. – С. 235–243.
4. Попов А.И. За красоту людей живущих, за красоту времён грядущих! // Литература и жизнь. – 1960. – № 73. – С.1.
5. Студецкая О.Н. Рисовать словами. 1986. [Электронный ресурс]. <http://www.proza.ru/2010/11/26/1408>.
6. Фёдоров В.Д. Перезревшими плодами... Четверостишие // Письмо от 19.08.1953.
7. Фёдоров В.Д. На родине моей повыпали снега... // Литературная Россия. – 1969. – № 2. – 10 января. – С.2.

.....

8. Фёдоров В.Д. Рождение истин. // Литературная газета. – 1979. – 14 ноября. – С. 2.
9. Фёдоров В.Д. Сны поэта. М., Советский писатель, 1988. – С.123–125.
10. Фёдоров В.Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.4. – М.: Современник, 1988. – 480 с.
11. Фёдоров В.Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. – М.: Современник, 1988. – 336 с.
12. Фёдоров В.Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. – М.: Современник, 1987. – 416 с.

